

*В память о моих родителях
и с любовью к ним*

ПРОЛОГ

Более столетия назад «бароны-разбойники»¹ открыли озеро Массавипи. Они приехали туда из Монреаля, Бостона, Нью-Йорка и, углубившись в этот медвежий угол Канады, построили огромный дом. Хотя, конечно, они не стали пачкать собственные руки, к которым прилипало нечто совсем иное. Нет, они нанимали людей, носивших имена Зоэтик, Телесфор и Оноре, чтобы те рубили для них густые древние леса. Поначалу квебекцы сопротивлялись, ведь они всю жизнь жили в этих лесах. Они препятствовали уничтожению такой красоты, а некоторые наиболее проникательные предвидели печальный исход. Но деньги делали свое дело, лес постепенно сводился, и росла великолепная «Охотничья усадьба». После нескольких месяцев вырубки, обдирки, зачистки и сушки огромные стволы были водружены один на другой. Изготовление таких домов-срубов было искусством. Но не эстетическими соображениями руководствовались эти люди с точным глазомером и умелыми руками, а уверенностью в том, что зимой мороз убьет обитателей возводимых ими домов, если бревна будут неправильно подобраны. Какой-нибудь *coureur du bois*² мог часами созерцать обработанный ствол громадно-

¹ «*Бароны-разбойники*» — презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX в., в частности в годы Гражданской войны и Реконструкции, причем зачастую при помощи обмана и грубой силы. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

² *Дословно*: лесной бегун (*фр.*); в Америке таких людей называли первопроходцами, пионерами.

го дерева, словно расшифровывая его. Этот *couveur du bois*, этот человек леса раз за разом обходил вокруг бревна, присаживался на пенек, набивал трубочку и смотрел, пока ему не становилось понятно, где именно должно находиться данное бревно, пока не сгниет.

На это ушло несколько лет, и наконец большой дом был построен. Последний из строителей стоял на великолепной медной крыше, словно громоотвод, и озирали леса и одинокое манящее озеро с высоты, на какую он уже никогда не поднимется. И если у этого человека было хорошее зрение, то он смог бы разглядеть вдалеке приближение чего-то ужасного, похожего на стрелы летних молний. Оно надвигалось не только на построенный дом, но ровно на то место, где стоял человек на сверкающей металлической крыше. Что-то кошмарное должно было случиться на этом самом месте.

Он и прежде крыл крыши медью, и конструкция всегда была одна. Но на этот раз, когда все остальные считали, что работа уже закончена, он забрался на крышу и обил конек — верхушку крыши. Он не знал, почему сделал это, просто так выглядело красиво и у него возникло ощущение, что так оно и должно быть. К тому же у него остались излишки меди. После этого он снова и снова использовал такую конструкцию на больших зданиях в этой бурно развивающейся местности. Но тот дом был первым.

Забив последний гвоздь, человек медленно, осторожно, осмотрительно спустился.

Получив расчет, работники ушли с тяжестью на сердце, сравнимой с той тяжестью, которая оттягивала их карманы. И, оглядываясь назад, самые проникательные из них отмечали, что творение их рук само по себе немного напоминало лес, только неестественным образом положенный набор.

С самого начала в «Охотничьей усадьбе» было что-то неестественное. Дом был ошеломляюще красивым, окоренные стволы сияли золотистым цветом. Он был сооружен из дерева, обнесен плетнем и стоял на самой кромке воды. Он занимал господствующее положение над озером Массавипи, как

«бароны-разбойники» занимали господствующее положение над всем. Эти капитаны промышленности ничего не могли с этим поделать.

И раз в год люди, носящие имена Эндру, Дуглас и Чарльз, покидали свои империи железных дорог и виски, меняли гетры на погрызенные кожаные мокасины и направлялись на каноэ к дому на берегу уединенного озера. Они уставали грабить, им требовалось иное развлечение.

«Охотничья усадьба» была задумана и создана для того, чтобы делать одно — убивать.

Это позволяло им великолепным образом разнообразить жизнь.

Шли годы, и глушь отступала. Лисы и олени, лоси и медведи — все дикие звери, на которых охотились «бароны-разбойники», ушли из этих мест. Абенаки¹, которые нередко доставляли богатых промышленников к громадному дому, состарились и отказались делать это. Рядом начали возникать городки и деревни. Близлежащие озера были открыты владельцами загородных домов и людьми, ищущими, где бы им отдохнуть на выходных.

Но «Охотничья усадьба» осталась. От поколения к поколению менялись владельцы, и постепенно головы давно убитых оленей и лосей и даже редкой пумы исчезли с бревенчатых стен и перекочевали на чердак.

По мере того как истощалось состояние его создателей, истощался и дом. Много лет он стоял заброшенным, слишком большой для единственной семьи и слишком удаленный для того, чтобы превратиться в гостиницу. Когда лес набрался сил и стал предъявлять свои права на дом, кто-то купил это сооружение. Была проведена дорога, повешены занавеси, изгнаны жуки, совы и пауки и приглашены гости. За плату «Охотничья усадьба» стала одной из лучших auberges² в Квебеке.

¹ В старой Канаде так называли первопроходцев. *Абенаки* — название индейского племени, обитающего в Северной Америке.

² Гостиница с рестораном (*фр.*).

И хотя за прошедшее столетие изменилось озеро Мас-савипи, изменился Квебек, изменилась Канада, изменилось почти все, одна вещь осталась неизменной.

«Бароны-разбойники» вернулись. Они вернулись в «Охотничью усадьбу», чтобы убивать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В начале лета гости прибыли в уединенный дом у озера, куда их призвали одинаковые приглашения, написанные на хорошей бумаге знакомым витиеватым почерком, напоминающим паутину. Эти тяжелые конверты, просунутые в почтовые прорези, с глухим стуком упали на пол внушительных домов в Ванкувере и Торонто и на дно почтового ящика перед маленьким кирпичным коттеджем в деревне Три Сосны.

Почтальон неторопливо пронес приглашения в своей сумке по этой крохотной квебекской деревеньке. Снимая шапку и обтирая потный лоб, он думал, что по такой жаре лучше не переутомлять себя. Благодаря профсоюзу у почтальона были послабления. Но истинная причина его неторопливости была не в жарком сияющем солнце, а кое в чем более приватном. Ему всегда хотелось подольше задержаться в Трех Соснах. Он медленно прошел мимо многолетних розовых кустов, лилий и отважной, упорной наперстянки. Помог ребятишкам найти лягушек у пруда на деревенском лугу. Потом сел на теплую ограду из плитняка и некоторое время наблюдал за деревней, живущей своей жизнью. Это увеличивало его рабочий день, и он последним возвращался в почтовое отделение. Товарищи подшучивали над ним за его медлительность, и он подозревал, что именно по этой причине он так и не получил повышения. Два десятилетия, а то и больше он работал не спеша. Не неся, а прогулочным шагом шел по Трем Соснам, заговаривал с людьми, выгуливавшими собак.

Нередко выпивал с ними стаканчик лимонада или *thé glacé*¹ у бистро. А зимой — кофе с молоком перед пылающим огнем в камине. Иногда жители деревни, зная, что он зашел поест в бистро, сами приходили туда и забирали свою почту. Болтали с ним минуту-другую. Он приносил новости из других деревень, лежащих на его пути, словно бродячий менестрель Средневековья, приносивший известие о чуме, или войне, или потопе, случившихся в каких-то далеких краях. Но никогда здесь, в этой милой и мирной деревне. Почтальону всегда было забавно представлять, что Три Сосны, угнездившиеся среди гор и окруженные канадскими лесами, изолированы от внешнего мира. Ощущение такое неизменно возникало. И он получал от этого удовольствие.

А поэтому и не спешил. В тот день он держал в потной руке пачку конвертов, надеясь не замарать идеальную, изящную бумагу верхнего из них. Потом его внимание привлек почерк, и он еще больше замедлил шаг. Он работал почтальоном не одно десятилетие и понимал, что доставляет нечто большее, чем письмо. За годы службы он разбросал по своему маршруту много бомб. Хорошие новости: рождение детей, выигрыши в лотерею, смерть дальней родственницы, оставившей богатое наследство. Но он был добрый и понятливый человек, а потому знал, что доставляет и плохие вести. У него сердце разрывалось, когда он думал о том горе, что приносит в дома, в особенности в этой деревеньке.

Он знал, что сейчас держит в руке нечто такое. И даже больше. Его уверенность основывалась не на одной лишь телепатии, но еще и на подсознательном умении разбираться в почерках. Не только в словах, но и в скрытом в них тайном смысле. Простой, обычный адрес из трех строк на конверте говорил ему многое, помимо того, куда нужно доставить письмо. Он видел, что адрес написан старой, дрожащей рукой. Искалеченной не только возрастом, но и гневом. Это письмо

¹ Охлажденный чай (*фр.*).

не несло адресату ничего хорошего. И почтальону вдруг захотелось избавиться от него.

Он собирался заглянуть в бистро, выпить холодного пивка и съесть сэндвич, поболтать с хозяином заведения — Оливье, подождать, не придет ли к нему кто-нибудь за почтой. Но внезапно его словно переполнила энергия. Удивленные обитатели деревни увидели нечто необычное — спешащего почтальона. Он остановился, развернулся и быстрой походкой направился к ржавому почтовому ящику перед кирпичным коттеджем, выходящим на деревенский луг. Почтальон приоткрыл козырек ящика, и тот издал скрежещущий звук. Почтальон не мог его в этом винить. Он быстро сунул в щель письмо и закрыл крикливый козырек. Его удивило, что выдавшая виды металлическая коробка не рыгнула и не выплюнула из себя злосчастное послание. Он давно уже привык смотреть на доставляемые им письма как на нечто живое, а на почтовые ящики — как на любимых домашних зверьков. И он сделал нечто ужасное с этим конкретным ящиком. И с этими людьми.

Будь у Армана Гамаша завязаны глаза, он бы все равно знал, где находится. Все дело было в запахе. Эта смесь дыма, аромата старых книг и жимолости.

— *Monsieur et Madame Gamache, quel plaisir!*¹

Клементин Дюбуа вышла из-за стойки портье в «Охотничьей усадьбе». Кожа, словно крылья, свисала с ее вытянутых в приветственном жесте рук и подрагивала, отчего Клементин по мере приближения становилась похожей на птицу или состарившегося ангела. Рейн-Мари Гамаш двинулась ей навстречу, тоже раскинув руки без малейшей надежды объять эту необъятную женщину. Они обнялись и поцеловались в обе щеки. После того как мадам Дюбуа обменялась объятиями и поцелуями с Арманом Гамашем, она отступила назад и оглядела пару. Рейн-Мари была невысокой, в меру

¹ Месье и мадам Гамаш, как я вам рада (*фр.*).

полной женщиной средних лет с седеющими волосами. Ее лицо говорило о том, что она живет насыщенной жизнью. Она выглядела миловидной, не будучи красавицей. То, что французы называют *soignée*¹. На ней была сшитая на заказ темно-синяя юбка миди и накрахмаленная белая блузка. Простая, изящная, классическая одежда.

Мужчина был высок и атлетически сложен. Ему было лет пятьдесят пять, но он не начал полнеть — весь его вид свидетельствовал о жизни, прожитой с хорошими книгами, хорошей пищей и в неторопливых прогулках. Он напоминал университетского профессора, хотя Клементин Дюбуа знала, что никакой он не профессор. Волосы его поредели, и прежняя волнистая темная шевелюра обернулась просвечивающей лысиной на макушке и седыми прядями, закрывающими уши и спускающимися до воротника. Он был чисто выбрит, но носил аккуратные усы. На нем был темно-синий пиджак, широкие брюки защитного цвета и голубая рубашка с галстуком. Выглядел он, как всегда, безупречно, даже в этот июньский день, когда набирала силу жара. Но самым удивительным были его глаза. Вдумчивые, карие, дружелюбные. Спокойствие было так же свойственно ему, как другим мужчинам запах туалетной воды.

— Но у вас усталый вид.

Большинство содержателей гостиниц воскликнули бы: «Вы прекрасно выглядите!» Или: «*Mais, voyons*², вы двое не меняетесь!» Или даже: «Вы словно помолодели!» Кому, как не владельцам гостиниц, знать, что для старых ушей нет ничего приятнее этих слов.

Конечно, уши Гамашей еще нельзя было назвать старыми, но вот устали они точно. Год был долгий, и их уши слышали много такого, что никак не доставляло им удовольствия. И Гамаши, как всегда, приехали в «Охотничью усадьбу», чтобы забыть обо всем этом. Если весь мир праздновал новый год в январе, то Гамаши праздновали его в середине лета, ко-

¹ Ухоженная (*фр.*).

² *Здесь*: но послушайте (*фр.*).

гда приезжали в это благословенное место и скрывались от мира, чтобы потом начать с чистой страницы.

— Мы немного устали, — признала Рейн-Мари, с удовольствием усаживаясь в удобное большое кресло у стойки портье.

— Вон¹, что ж, мы об этом позаботимся. Немедленно. — Мадам Дюбуа грациозно удалилась за стойку и уселась на собственный удобный стул. Она пододвинула к себе журнал и надела очки. — Куда мне вас поместить?

Арман Гамаш сел в кресло рядом с женой, и они переглянулись. Они знали, что если пролистать назад страницы этого журнала, то они увидят там свои подписи, которые появлялись в журнале каждый год вот уже на протяжении более чем тридцати лет, начиная с того июньского дня, когда молодой Арман, накопив деньги, привез сюда Рейн-Мари. На одну ночь. Они поселились тогда в самом маленьком из номеров в задней части великолепного старого дома. Без вида на горы, или озеро, или многолетний сад с буйно расцветающими пионами и только-только распутившимися розами. Гамаш несколько месяцев сэкономил деньги, чтобы эта поездка стала чем-то особенным. Он хотел, чтобы Рейн-Мари узнала, как сильно он ее любит, как важна она для него.

Вдыхая сладкие запахи леса, тимьяна с кухни и сирени, чуть ли не зримо проникавшие в комнату через москитную сетку на окне, они впервые познали друг друга. И самым сладким запахом была она, свежая и теплая в его сильных объятиях. Той ночью Гамаш написал ей любовное письмо. Он осторожно укрыл ее белой простыней и сел в тесное кресло-качалку, хотя раскачиваться не стал, опасаясь, что ударится о стену сзади или разобьет колени о кровать и разбудит Рейн-Мари. Он просто сидел и смотрел, как она дышит. Потом стал писать на фирменном бланке «Охотничьей усадьбы»:

Моя любовь не знает...

Как бесконечна бывает любовь...

Мои сердце и душа ожили...

Моя любовь к тебе...

¹ Ладно (фр.).

Он писал всю ночь, и на следующее утро Рейн-Мари обнаружил послание, прилепленное к зеркалу в ванной:

Я тебя люблю.

Клементин Дюбуа уже тогда была здесь, крупная, с походкой вразвалочку и улыбающаяся. Она и тогда была немолода, и Гамаш каждый год опасался, что вот позвонит он, чтобы забронировать номер, и услышит незнакомый ломкий голос: «*Bonjour, Manoir Bellechasse. Puis-je vous aider?*»¹ Но вместо этого он слышал: «Месье Гамаш, как я рада! Надеюсь, вы опять собираетесь к нам?» Это было сродни поездке к бабушке. Хотя и самой крупной из бабушек, каких он когда-либо знал.

И если Гамаш и Рейн-Мари явно изменялись — женились, родили двух детей, сами стали бабушкой и дедушкой, то Клементин Дюбуа не старела и не уменьшалась в размерах. Как и ее любовь — «Охотничья усадьба». Они словно слились в одно, оба были исполнены доброты и любви, гостеприимства и доброжелательства. Они таинственным образом и восхитительно не изменялись в мире, который менялся с сумасшедшей скоростью. И не всегда к лучшему.

— Что-то случилось? — спросила Рейн-Мари, заметив выражение лица мадам Дюбуа.

— Наверное, я старею, — сказала та и подняла голову.

Ее темные глаза выражали озабоченность. Гамаш ободряюще улыбнулся. По его подсчетам, ей стукнуло по меньшей мере сто двадцать лет.

— Если у вас нет номеров, не волнуйтесь. Мы можем приехать и в другую неделю, — сказал он.

«Охотничья усадьба» находилась всего в двух часах езды по Восточным кантонам Квебека от их дома в Монреале.

— Нет-нет, номер у меня есть, но я надеялась, что будет что-нибудь получше. Когда вы бронировали номер, мне нужно было оставить для вас Озерный — тот, что вы снимали

¹ Добрый день, говорит «Охотничья усадьба». Чем могу вам помочь? (*фр.*)

в прошлом году. Но у нас все занято. Одна семья — Финни — сняла пять остальных номеров. Они здесь...

Она вдруг замолчала и опустила глаза в журнал. Это было так нехарактерно для нее, что Гамаш переглянулись.

— Они здесь?.. — проговорил Гамаш, почувствовав, что молчание затянулось.

— Ну, это не имеет значения, времени еще много, — сказала мадам Дюбуа и, подняв на них взгляд, успокаивающе улыбнулась. — И все же извините, что я не оставила для вас лучший номер.

— Если бы мы так уж хотели Озерный номер, то должны были его и заказать, — откликнулась Рейн-Мари. — Вы же знаете Армана с его трепетным влечением к неопределенности. Дикий человек.

Клементин Дюбуа рассмеялась, потому что это было во все не так. Она знала, что Гамаш каждый день своей жизни проживал с изрядной долей неопределенности. И именно поэтому ей очень хотелось, чтобы они каждый год приезжали в эту гостиницу, с ее роскошью и удобствами. И покоем.

— Мы никогда не просим конкретный номер, мадам, — сказал Гамаш низким дружелюбным голосом. — И знаете почему?

Мадам Дюбуа отрицательно покачала головой. Ей всегда было любопытно, но она все же остерегалась подвергать своих гостей перекрестному допросу. В особенности этих.

— Все остальные просят, — сказала она. — А эта конкретная семья еще и потребовала бесплатного улучшения класса. Приехали на «мерседесах» и «БМВ» и потребовали улучшения.

Она улыбнулась, но беззлобно, просто недоумевая, почему люди, у которых и без того есть все, хотят получить еще что-то бесплатно.

— Мы предпочитаем оставлять это на выбор судьбе, — ответил Гамаш на свой вопрос (и мадам Дюбуа внимательно взгляделась в его лицо — не шутит ли он, но решила, что, вероятно, не шутит). — Мы совершенно довольны тем, что имеем.

И Клементин Дюбуа поняла, что это правда. Она чувствовала то же самое. Она просыпалась каждое утро, удивляясь, что еще жива, что видит еще один день в этом старом доме на сверкающем берегу озера с кристально чистой водой, в окружении лесов, ручьев, садов и гостей. Здесь был ее дом, а постояльцы становились для нее чем-то вроде семьи. Хотя мадам Дюбуа по своему горькому опыту знала, что не всегда в твоих силах выбирать — или любить — собственную семью.

— Прошу. — Она сняла с длинной цепочки старый медный ключ. — Лесной номер. К сожалению, он в задней части дома.

Рейн-Мари улыбнулась:

— Мы знаем, где этот номер, merci¹.

Дни неспешно сменяли друг друга. Гамаша плавали в озере, гуляли в благоухающем ароматами лесу. Они читали, болтали о том о сем с другими постояльцами, понемногу знакомились с ними.

Еще несколько дней назад они и не подозревали о существовании Финни, но в этой уединенной гостинице стали чуть ли не приятелями. Как опытные путешественники на круизном лайнере, гости не слишком отдалялись друг от друга, но и не слишком сближались. Они даже не знали, чем другие зарабатывают на жизнь, и это вполне устраивало Армана Гамаша.

День катился к вечеру, и Гамаш наблюдал за пчелкой, которая никак не могла насытиться нектаром особенно пышной розы, как вдруг его привлекло какое-то движение. Он повернулся в шезлонге и увидел, что из дома на жаркое солнце вышли Томас, сын старших Финни, и его жена Сандра. Сандра подняла тонкую руку и надела громадные солнцезащитные очки, отчего стала похожа на муху. В этом месте она казалась инопланетянкой и уж никак не человеком в привычной среде обитания. По предположениям Гамаша, ей было под шесть-

¹ Спасибо (*фр.*).

десять или немногим за шестьдесят, хотя она пыталась выдавать себя за женщину гораздо более молодую. Забавно, подумал он, что крашенные волосы, густой слой косметики и молодежная одежда делают человека старше его лет.

Они вышли на лужайку. Подошвы Сандры легко ступали по траве. Супруги остановились, словно в ожидании аплодисментов. Но Гамаш слышал только один звук — жужжание пчелы: ее крылышки производили приглушенный трескучий звук близ цветка розы.

Томас стоял на вершине небольшого холма, спускающегося к озеру, — ни дать ни взять адмирал на капитанском мостике. Его пронзительные голубые глаза оглядывали воду — настоящий Нельсон при Трафальгаре. Гамаш вдруг понял, что каждый раз, когда он видел Томаса, в голову ему приходили мысли о человеке, который готовится к сражению. В свои шестьдесят с небольшим Томас Финни был, безусловно, красив. Высокий и видный, с седыми волосами и благородными чертами лицами. Но за те несколько дней, что они соседствовали в гостинице, Гамаш отметил у этого человека и склонность к иронии, и спокойное чувство юмора. Томас был самоуверенный и высокомерный, но, казалось, отдавал себе отчет в этом и мог посмеяться над собой. Это ему шло, и Гамаш вдруг обнаружил, что начинает прикипать сердцем к этому человеку. Впрочем, в такую жару можно было прикипеть к чему угодно, в особенности к старому номеру журнала «Лайф», типографская краска которого отслаивалась в потных руках Гамаша. Он посмотрел на свою ладонь и увидел на ней вытатуированное слово «Лайф» в зеркальном отражении.

Томас и Сандра прошли мимо престарелых родителей Томаса, удобно расположившихся на веранде под крышей. Гамаш еще раз удивился способности членов этой семьи не замечать друг друга. Взглянув поверх своих полукруглых очков, он увидел, как Томас и Сандра оглядели людей, расположившихся в саду и на берегу озера. Джулия Мартин, старшая из сестер, но на несколько лет моложе Томаса, сидела в одиночестве на пристани в кресле-лежаке и читала. На ней был

простой белый купальник. В свои пятьдесят с гаком она была стройной и сияла, как медный таз, будто приняла ванну из кулинарного жира и теперь поджаривалась на солнце; Гамаш поморщился, представив себе, как начинается трескаться ее кожа. Время от времени Джулия опускала книгу и смотрела на спокойное озеро. Думала. Гамаш знал о Джулии Мартин достаточно, чтобы понимать: ей есть о чем задуматься.

На лужке перед озером расположились остальные члены семейства — младшая сестра Мариана и ее чадо Бин. Если Томас и Джулия были стройными и привлекательными, то Мариана — невысокой, толстой и, безусловно, уродливой. Она словно была отрицательным полюсом рядом с их положительным. Ее одеяния явно имели зуб на свою хозяйку, потому что либо соскальзывали с нее, либо неловко закручивались, отчего Мариане приходилось постоянно их поправлять, подтягивать, разглаживать.

А вот ее чадо Бин было удивительно красиво: длинные светлые волосы, почти до белизны выжженные солнцем, бархатные темные ресницы и сияющие голубые глаза. В этот момент Мариана вроде бы занималась китайской дыхательной гимнастикой, хотя движения были ее собственного изобретения.

— Детка, посмотри — журавль. Твоя мамочка — журавль!

Полная женщина встала на одну ногу, подняв руки к небу и до предела вытянув шею.

Десятилетнее чадо Марианы проигнорировало мамочку и продолжило чтение. Гамаш подумал, что для ребенка такое времяпрепровождение — скука смертная.

— Это самая трудная позиция, — сказала Мариана громче, чем требовалось, почти удушая себя одним из своих шарфов.

Гамаш уже успел заметить, что Мариана начинала заниматься дыхательной гимнастикой, йогой, медитацией, боевыми искусствами, только когда появлялся Томас. Интересно,

чего она хочет: произвести впечатление на старшего брата или смутить его?

Томас мельком взглянул на пухлого, грозящего рухнуть на землю журавля и повел Сандру в другом направлении. Они нашли два стула в удалении от других.

— Ты за ними шпионишь? — спросила Рейн-Мари.

Опустив книгу, она смотрела на мужа.

— Шпионю — слишком сильно сказано. Наблюдаю.

— Не пора ли тебе прекратить? — Секунду спустя она добавила: — Что-нибудь интересное?

Гамаш рассмеялся и отрицательно покачал головой:

— Ничего.

— И все же странное какое-то семейство, — сказала Рейн-Мари, оглядев сидевших каждый сам по себе членов семейства Финни. — Прodelьвают такой долгий путь, чтобы увидеться, а после не замечают друг друга.

— Могло бы быть и хуже, — ответил Гамаш. — Они могли бы начать убивать друг друга.

Рейн-Мари рассмеялась:

— Они никогда не приближаются друг к другу, так что это вряд ли возможно.

Гамаш согласно хмыкнул, с радостью осознавая, что ему это все равно. Это была их проблема, не его. И потом, проведя несколько дней в обществе Финни, он в каком-то смысле привязался к ним.

— *Votre thé glacé, madame*¹. — Молодой человек говорил по-французски с приятным англо-канадским акцентом.

— *Merci, Элиот*. — Рейн-Мари загородила рукой глаза от солнца и улыбнулась официанту.

— *Un plaisir*².

С сияющей улыбкой он передал Рейн-Мари высокий стакан охлажденного чая, а Гамашу — запотевший стакан лимо-

¹ Ваш охлажденный чай, мадам (*фр.*).

² Рад услужить (*фр.*).

нада, после чего отправился разносить напитки другим гостям.

— Помню время, когда я был таким же молодым, — задумчиво произнес Гамаш.

— Таким же молодым ты, вероятно, был, но ты никогда не был таким же... — Она кивнула в сторону Элиота, который спортивным шагом шел по стриженому лужку в строгих черных брюках и коротком белом пиджаке, обтягивающем его гибкое тело.

— Боже мой, неужели мне придется отбивать тебя еще у одного ухажера?

— Возможно.

Он взял ее за руку:

— Ты же знаешь, я бы это сделал.

— Я знаю, что ты бы этого не сделал. Ты бы заговорил его до смерти.

— Что ж, это стратегия. Сокрушил бы его моим могучим интеллектом.

— Могу себе представить его ужас.

Гамаш пригубил лимонад и внезапно сморщился, из его глаз потекли слезы.

— Ах, — заметила Рейн-Мари, глядя на его моргающие, слезящиеся глаза и перекошенное лицо, — ну какая женщина смогла бы сопротивляться этому?

— Сахара. В лимонаде не хватает сахара, — выдохнул Гамаш.

— Сейчас позову официанта.

— Не надо. Я сам.

Он закашлялся, бросил на нее шутливо-строгий взгляд и поднялся с низкого удобного сиденья.

Взяв свой лимонад, он пошел по тропинке из душистого сада на широкую затененную веранду, где было прохладнее, — спасение от жаркого дневного солнца. Берт Финни опустил свою книгу и посмотрел на Гамаша, потом улыбнулся и вежливо кивнул.

— Bonjour, — сказал он. — Жаркий день.

— Но я заметил, что здесь прохладнее, — сказал Гамаш, улыбаясь паре стариков, тихо сидевших бок о бок.

Финни был явно старше своей жены. На взгляд Гамаша, ей было лет восемьдесят пять, а ее мужу — под девяносто, и был он почти прозрачный — такое качество приобретают люди перед концом.

— Я иду в дом. Может, вам что-то надо? — спросил он.

И снова подумал о том, что Берт Финни умудряется при всей своей аристократичности быть одним из самых непривлекательных людей, с какими Гамашу приходилось сталкиваться. Он упрекнул себя за поверхностный взгляд на мир, но ничего не смог с собой поделать — глазел на него, как мальчишка. Месье Финни был настолько отвратителен на вид, что становился чуть ли не привлекательным, словно эстетические свойства в его случае замкнулись в круг.

Кожа у него была рябая и красноватая, большой красный нос имел неправильную форму и был испещрен венами, словно месье Финни втянул носом бургундское, которое там и осталось. Его желтые зубы торчали изо рта в разные стороны. Глаза были маленькие и чуть косили. Амблиопия, подумал Гамаш. Прежде это называлось «дурной глаз», и в темные времена за это в лучшем случае изгоняли из порядочно общества, а в худшем — тащили на костер.

Айрин Финни сидела рядом с мужем, одетая в цветастый сарафан. Она была пухленькая, с тонкими седыми волосами, собранными в пучок на затылке, и, поскольку она не поднимала глаз, Гамаш мог ее рассмотреть и заметил, что кожа у нее нежная и белая. Она напоминала мягкую, уютную выцветшую подушку, брошенную возле скалистого обрыва.

— Нам ничего не надо, мерсі.

Гамаш обратил внимание, что старик Финни единственный в семье пытался хоть немного говорить с ним по-французски.

Температура в «Усадьбе» была еще ниже. Там стояла почти прохлада — такое облегчение зайти сюда в дневную жару. Глазам Гамаша потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться.

Темная кленовая дверь в столовую была закрыта, и Гамаш неуверенно постучал по ней, потом открыл и вошел в помещение, обитое панелями. Официанты готовили столы к обеду, на крахмальных скатертях лежали столовые приборы чистого серебра, стояли тарелки тонкого фарфора и вазы со свежими букетами. Здесь пахло розами, деревом, полиролью и травами. А еще красотой и порядком. Солнечный свет заливал комнату сквозь выходявшие в сад окна высотой во всю стену. Окна были закрыты, чтобы не впускать жару и не выпускать прохладу. В «Охотничьей усадьбе» не было кондиционеров, но массивные бревна действовали как естественные изоляторы — они удерживали внутри тепло в самые холодные квебекские зимы и не пускали внутрь жару в самый разгар летнего пекла. Сегодня день был не из самых жарких, градусов двадцать шесть — двадцать семь, по прикидкам Гамаша. Но все же он был благодарен *coureurs du bois*, которые возвели этот дом вручную, подбирая бревна с такой точностью, что ничто нежелательное не могло проникнуть между ними.

— Месяе Гамаш.

Пьер Патенод, улыбаясь и вытирая руки о полотенце, вышел к нему навстречу. Он был на несколько лет моложе Гамаша и чуть стройнее. «Это потому, что он носится тут между столами», — подумал Гамаш. Но метрдотель, казалось, никогда не торопился. Он всем успевал уделять время, словно, кроме человека перед ним, в *auberge*¹ других людей не было. При этом он умудрялся вести себя так, что никому и в голову не приходило, будто он игнорирует или не замечает их. Это был особый дар, свойственный лишь немногим метрдотелям. А «Охотничья усадьба» славилась тем, что все в ней было только наилучшее.

— Чем могу вам помочь?

Гамаш, чуть смущаясь, протянул свой стакан:

— Извините, что беспокою вас, но мне нужно немного сахара.

¹ Ресторан (фр.).